

Игорь Гололобов

ОТЕЛЬ

«Разбитые
мечты»

Игорь Гололобов

Отель «Разбитые мечты»

«Автор»

2026

Гололобов И.

Отель «Разбитые мечты» / И. Гололобов — «Автор», 2026

Мега-Сити никогда не спит. В городе, где корпорации решают судьбы людей, каждый мечтает о своём спасении. Александр мечтает о любви и впервые верит, что нашёл своё счастье. Лили мечтает вырваться из прошлого и доказать, что смогла стать кем-то в жестоком мире Мега-Сити. Корвин ничего не просит у жизни — он просто остаётся рядом с единственным человеком, который действительно ему дорог. Но у каждой мечты есть цена. Иногда слишком высокая. Три судьбы. Три мечты. Один город, который не прощает ошибок.

© Гололобов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Александр	5
2. Лили	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игорь Гололобов

Отель «Разбитые мечты»

1. Александр

Она сидела в полумраке номера на втором этаже дешевой гостиницы «Разбитые мечты» на окраине города. Неоновая вывеска бара напротив бросала на ее лицо холодный свет — красный, синий, по очереди. В глазах у нее не было ни тепла, ни надежды. Только усталость. Сигарета тлела в пальцах, дым поднимался к потолку и растворялся в темноте.

За дверью послышались тяжелые шаги. Кто-то медленно поднимался по старой деревянной лестнице. Ступени скрипели под его весом.

Дверь открылась, и в номер ввалился полный, ссутулившийся мужчина. Он сделал еще пару шагов по ковру, тяжело дыша, и поставил на журнальный столик перед женщиной небольшой кожаный саквояж.

Губы женщины, накрашенные помадой цвета запекшейся крови, дрогнули в полуулыбке.

— Я сделал это, — сказал мужчина и плюхнулся в кресло напротив женщины. — Но возникли проблемы. Там... там мне пришлось его убить.

Она посмотрела на него.

— Что случилось?

Он провел ладонью по лицу.

— Когда сейф открылся, я хотел достать бриллианты, но услышал шаги.

— И?

— Я спрятался за дверью. Думал, кто-нибудь зайдет, посмотрит и уйдет. Но вошел он.

— Босс?

Мужчина кивнул.

— Он сразу увидел открытый сейф. Потом пошел к телефону. Наверное, хотел вызвать охрану.

Он замолчал, глядя в пол.

— Я запаниковал.

— И что ты сделал?

— Рядом на столе стояла статуэтка. Маленькая золотая рыбка. Смешная такая... с тремя желаниями.

Женщина чуть приподняла бровь.

— Я схватил ее и ударил его сзади по голове.

Он тяжело сглотнул.

— Один раз. Он упал. Я подошел... хотел проверить, жив ли. Но там уже...

Мужчина замолчал.

— Боже, что я наделал...

— Ты все сделал правильно, — выдохнула она вместе с дымом. — Я знала, что ты справишься.

Он запрокинул голову и закрыл глаза. В комнате пахло дорогим коньяком и остывшим пеплом. За окном монотонно лил дождь. Этот вечер должен был стать началом новой жизни.

Он посмотрел на нее сквозь дым сигареты. На ней было черное платье — такое же, как в день их первой встречи. Ткань плотно облегла ее фигуру. Она выглядела в нем одновременно обнаженной и полностью защищенной броней.

Он любил ее. С каждым месяцем эта любовь становилась все сильнее и тяжелее. Он давно знал ее привычки, голос, движения, каждую маленькую деталь ее лица. Но сейчас ему казалось, что перед ним незнакомка.

Его взгляд затуманился, уплывая сквозь стену прокуренного номера куда-то в прошлое, к тому дню, когда они встретились впервые...

...Он вспомнил, как тот день пах озоном и мокрым асфальтом. Город только что умылся первым майским ливнем. Он стоял под козырьком у торговых автоматов, прячась от дождя, когда увидел ее. На ней было платье из черного шелка, она шла сквозь пелену дождя без зонта, не торопясь, будто дождь ее не беспокоил.

Она поскользнулась на мокром бордюре и смешно взмахнула руками, теряя равновесие. Любой другой мужчина просто бы усмехнулся. Но он в два шага оказался рядом и поймал ее за локоть. Его ладонь обожгло холодом ее тонкой кожи.

Она подняла глаза. И он пропал. В них не было страха или смущения. Ему показалось, что она смотрела на него так, словно они были знакомы тысячу лет, и все это время искали друг друга.

— Я знала, что вы меня поймаете, — сказала она тогда, и уголок ее губ дрогнул в улыбке, от которой у него пересохло во рту.

Повисла пауза. Он понимал, что нужно сказать хоть слово. Обычное «не за что», дежурное «с вами все в порядке?» или даже грубое «бывайте» подошло бы сейчас идеально. Но в голову ничего не приходило.

Слова отказывались формироваться. Вместо них внутри нарастал оглушительный гул собственной крови. Он почувствовал, как жар поднимается от плотно застегнутого воротника рубашки к шее. Сначала загорелись мочки ушей, затем щеки начали наливаться румянцем. Это был румянец неуклюжего подростка, пойманного за подглядыванием, а не взрослого мужчины, который только что спас женщину.

Прохладные капли дождя падали ему на затылок и тут же испарялись. Несмотря на промозглый ветер по спине под пальто поползла липкая, горячая струйка пота. Рубашка мгновенно прилипла к лопаткам. Ему стало невыносимо тесно в собственном теле, захотелось сорвать одежду и прыгнуть в ледяную воду, лишь бы остудить этот пожар смущения.

Он стоял перед ней — огромный, нелепый, красный и потеющий, переминаясь с ноги на ногу, пока она смотрела на него своими спокойными глазами цвета выдержанного виски.

— Лили, — произнесла она. Имя прозвучало тихо, словно выдох или шелест перелистываемой страницы.

— Лили, — эхом повторил он, и тут же мысленно отвесил себе звонкую пощечину. Господи, какой же болван. Его собственный голос показался ему чужим, глухим и надломленным.

Лили чуть склонила голову набок, наблюдая за его мучениями с легкой, едва заметной полуулыбкой.

— Лилит Грей, — уточнила она, заполняя повисшую пустоту своим спокойствием. — Так меня зовут.

Слова наконец прорвали плотину оцепенения. Он сглотнул вязкий ком в горле, заставляя челюсти разжаться:

— Приятно познакомиться. Я... я Александр. Александр Клаус. Слова прозвучали так хрипло и неестественно, словно он впервые в жизни пытался говорить на иностранном языке.

Снова повисла тишина. Клаус физически ощущал, как секунды одна за другой падают в лужу у их ног и безвозвратно уходят в канализацию. Мысли металась в его голове испуганными летучими мышами, сталкиваясь друг с другом во тьме черепной коробки. Скажи что-нибудь или сделай хоть что-то. Она смотрит на тебя сейчас. На твое мокрое пальто, на глупое лицо. Сейчас она вежливо кивнет и просто растворится в этом переулке навсегда.

Паника подступила к горлу липким комом. Если она уйдет сейчас, этот город снова станет прежним — серым и равнодушным. Нужно было любой ценой вбить клин между ней и этой открытой дверью в никуда.

Он судорожно вдохнул сырой воздух, пытаясь протолкнуть слова сквозь пересохшее горло:

— Здесь... недалеко есть одно место, — начал он торопливо, боясь, что если сделает паузу, то потеряет остатки смелости. — Кафе «Синяя дверь». Не бог весть что, но там топят старые чугунные батареи так, что подошвы плавятся. Вы же... вы вся промокли до нитки.

Он запнулся, чувствуя, как краска заливает уже шею и спускается за воротник. Предложение звучало жалко, почти пошло в своей заботливости.

— Может быть, зайдем? — голос дрогнул, но он заставил себя поднять на нее глаза. — Выпьем кофе. И вы немного обсохнете. Пожалуйста.

Последнее слово сорвалось почти умоляющим шепотом, которое тут же утонуло в раскате грома над крышами.

Она долго молчала, глядя куда-то сквозь пелену дождя. Капли оседали на ее ресницах, превращаясь в крошечные бриллианты, готовые сорваться вниз. Александр уже успел мысленно проклясть себя за глупость, готовясь к тому, что сейчас услышит вежливое «спасибо, не стоит» и останется один на один с мокрым асфальтом и собственным стыдом.

Но вместо этого Лили едва заметно кивнула. Это было движение столь мимолетное, что его можно было принять за игру теней, если бы не тихий звук ее голоса:

— Хорошо.

Это слово прозвучало без всякого жеманства. В нем была лишь глубокая, звенящая усталость и капелька тепла, которую она, казалось, протягивала ему на раскрытой ладони. Лили сделала шаг вперед, выходя из-под козырька прямо под потоки воды, доверчиво сокращая расстояние между ними. Она не взяла его под руку и не уцепилась за рукав — для этого не требовалось слов или жестов. Она просто позволила своему плечу почти коснуться его локтя, словно назначив его своим временным ориентиром в этой водяной мгле.

Он почувствовал это касание даже сквозь плотную ткань пальто — не как прикосновение, а как внезапный сброс огромного груза. Словно он все это время держал над ней невидимый зонт, который только теперь опустился ниже, накрывая их обоих.

— Здесь действительно так холодно, — прошептала она, скорее себе самой, чем ему.

Александр сглотнул, пытаясь вернуть голосу хоть каплю твердости.

— Пять минут ходьбы, — пробормотал он, чувствуя, как губы сами растягиваются в неуверенную улыбку. — Там топят так, что можно поверить, что в этом городе осталось еще что-то теплое. К тому же пахнет ванилью и старым деревом. Вам понравится.

Она снова чуть склонила голову, принимая приглашение, и они двинулись сквозь дождь. Два силуэта, слившиеся в одну серую тень, медленно брели на свет желтого фонаря у дверей маленькой кофейни, оставляя позади промозглую бесконечность ночи.

— Позвони ей, — сказал Сергей и с силой припечатал ладонь к столешнице. Звук получился сухим, как выстрел.

Александр вздрогнул так, словно его ударило током. Он сидел в кресле для посетителей, скрючившись, будто пытался поместиться внутри собственного пупка.

— Не могу, — просипел он, не поднимая глаз от трещин в линолеуме. — Физически не могу нажать на кнопку.

— Почему? — Сергей подался вперед, уперев подбородок в сцепленные замком пальцы. Его взгляд был тяжелым и лишенным всякого сочувствия. — Вы же два часа сидели в «Синей двери». Она смеялась над твоими шутками про бухгалтерию. Что изменилось за эти три дня?

— Дело не в ней, — Александр нервно дергал нитку, вылезшую из шва на рукаве. — Дело во мне. В нас. Посмотри на этот баланс, — он кивнул куда-то в сторону окна, за которым сгустились сумерки. — Лили... она из высшей лиги. Совсем другая весовая категория. Я когда брал номер, у меня руки тряслись так, что я карандаш чуть не проглотил. Написал его на салфетке карандашом!

Он горько усмехнулся, обнажив желтые от никотина зубы.

— Я позвоню, она возьмет трубку, услышит мой голос и просто сбросит вызов, потому что передумала. Потому что бумага была данью вежливости. Щенок скулил под дождем, и хозяйка бросила ему тряпку, чтобы заткнулся. Но щенок не должен звонить хозяйке домой.

Сергей поморщился, словно от зубной боли.

— Господи, прекрати эту мелодраму. От тебя разит плесенью и самобичеванием. Какая высшая лига? Ты спас ее. Ты дал ей сухое место и горячий кофе, пока снаружи лило как из ведра.

— Я боюсь, — честно выдохнул Александр, и это признание прозвучало страшнее любого ругательства. — Понимаешь? Вот здесь, — он прижал кулак к груди, где сердце кололось о ребра, как птица о прутья клетки. — Мне сорок пять лет.

— И?

— Посмотри на меня. У меня пузо, которое видно даже через пальто, и одышка на третьем этаже. А она... она ходит так, что воздух становится плотнее. Если я сейчас туда сунусь со своими корявыми комплиментами, она поймет, какую ошибку совершила сев со мной за один стол. Лучше оставить иллюзию, что я хоть немного интересен, чем услышать вежливое недоумение в трубке.

Сергей долго молчал. Он смотрел на своего друга — большого, доброго, вечно сомневающегося медведя, который панически боялся собственной тени. Затем он тяжело вздохнул, поднялся из-за стола, обошел его кругом и навис над Александром.

— Хватит прятаться за свои складки, — голос Сергея стал тихим, но стальным. — Единственный человек, который считает тебя недостойным — это ты сам. Телефон. Живо.

Он протянул руку ладонью вверх. Это был жест не просьбы, а приказа. Приговора.

Александр медленно, словно шел на эшафот, запустил руку во внутренний карман пиджака. Пальцы наткнулись на холодный пластик мобильного.

По лобовому стеклу размазывались огни ночного города, сливаясь в сплошные неоновые реки. Скоростное шоссе гудело монотонно и успокаивающе, но Александр этого не слышал. Он сидел за рулем, расслабленно положив обе руки на баранку, и улыбался — глупо, по-детски, самому себе.

Он до сих пор не мог поверить своему счастью.

Каждый раз, когда Александр вспоминал тот вечер, его бросало в жар благодарности к Сергею. Если бы не тот грубый окрик — «Телефон! Живо!» — он так и остался бы куском дрожжевого теста, зарывшимся в свои бухгалтерские отчеты.

Десять лет. Десять долгих лет одиночества.

Сначала была работа ради повышения. Потом выплата ипотеки за родительский дом. Потом просто привычка жить одному, ввевшаяся под кожу, как угольная пыль. Он забыл, каково это — засыпать не одному. Забыл, каково просыпаться рядом с кем-то. Почти забыл, что чужие руки могут ждать тебя дома.

Лили вернула ему все это одним своим появлением.

Этот месяц стал для него настоящим раем — таким, о котором пишут только в бульварных романах и в который он сам никогда бы не поверил. Они дышали в унисон. Смеялись одним и тем же шуткам. Иногда произносили одну и ту же фразу одновременно и потом сме-

ялись еще сильнее. Казалось, что они не встретились случайно под дождем, а были разлучены при рождении какой-то злой шуткой мироздания и только теперь наконец нашли друг друга.

Александр уже начинал думать о будущем. О квартире побольше. О совместном отпуске. О том, что когда-нибудь они, может быть, поженятся. Эти мысли казались ему немного смешными. Они были вместе всего месяц. Но он ничего не мог с собой поделать.

Иногда ему становилось страшно от того, насколько быстро Лили стала для него необходима. Однажды она не отвечала почти два часа. Всего два часа. Потом написала, что была занята. Александр тогда несколько раз проверил телефон. Потом сам над собой посмеялся.

— Ты же никуда не собираешься? — спросил он ее, когда они встретились.

Лили удивленно посмотрела на него.

— Куда?

— Не знаю. Просто...

Он замолчал.

Она улыбнулась и взяла его за руку.

— Я здесь.

И этого оказалось достаточно.

Он запомнил эти слова.

Теперь, когда Александр думал о Лили, внутри у него появлялось странное, почти детское чувство: ему впервые за много лет было что терять.

А настоящий рай ждал его за закрытой дверью спальни. Когда замок щелкал, отсекая шумный мир, Александр словно переставал быть тем человеком, который десять лет жил работой и счетами. Он заново учился быть мужчиной. Его пальцы дрожали, когда он расстегивал молнию на ее платье, боясь сделать ей больно. А она только смотрела на него своими темными, смеющимися глазами и подбадривала:

— Ну же, смелее...

Ее кожа казалась ему прохладной и совершенной. Но стоило ей прильнуть к нему, как эта прохлада исчезала. В такие минуты он переставал думать о работе и о деньгах. О десяти годах одиночества. Оставались только она и он. И странное, почти пугающее ощущение, что наконец-то жизнь дала ему то, чего он уже перестал ждать.

Иногда после этого он лежал рядом и смотрел, как она спит. И думал, что готов отдать что угодно, лишь бы это не закончилось.

Александр чуть повернул руль, выравнивая машину в полосе. По инерции он скосил глаза вправо. И счастливая улыбка медленно сползла с его лица.

Лили сидела, пристегнутая ремнем, глядя строго перед собой. Поза оставалась безупречной, но вся романтика вечера осыпалась пеплом. Она молчала всю дорогу от ресторана. Не трогала пальцами подвеску на зеркале, не искала его руку. Ее профиль в мертвенном свете приборной панели казался отчужденным и резким, словно высеченным из льда.

— Что-то случилось? — голос Александра прозвучал хрипло. Он откашлялся. — На работе проблемы?

Она долго не отвечала. Смотрела на пролетающую мимо разметку. Затем плавно, слишком плавно повернула голову. Ее взгляд прошел сквозь него, даже не зацепившись.

— Нам надо расстаться, Алекс, — произнесла она ровно. Без надрыва, без слезинки. Просто констатировала факт, как сообщают прогноз погоды. — Я выхожу на следующей развязке.

Время остановилось.

Звук двигателя исчез.

Огни фонарей застыли в воздухе застывшими каплями кислоты.

Сердце Александра перестало биться, а кровь в венах превратилась в жидкий азот.

Он открыл рот, но не смог вдохнуть.

— Что случилось? Прошу, давай поговорим, — прохрипел Александр.

— Хорошо, едем ко мне — ледяным голосом ответила Лилит.

Свет от торшера падал на паркет узким, дрожащим клинком. Лили стояла у окна спиной к свету, превратившись в темный силуэт — идеальный профиль античной статуи, вырезанный из бархата ночи. Александр сидел на самом краю дивана, подавшись вперед всем телом. Его локти упирались в колени так сильно, что побелели костяшки сцепленных пальцев. Он выглядел как человек, которого только что выбросило взрывной волной.

— Я возвращаюсь к нему, Саша, — произнесла она ровным, почти скупающим голосом, словно обсуждала прогноз погоды. Она не смотрела на него, а ее взгляд скользил по стеклу, за которым зажигались огни вечернего города. — К тому, кто был до тебя.

Александр судорожно втянул воздух.

— Зачем? Почему? Ты же... ты сама говорила, что ненавидишь его! Что он пустое место!

Александр видел лишь то, что позволяла видеть она: идеальную осанку и чуть опущенные уголки губ. Он знал ее лучше всех. Ему показалось он заметил эту едва уловимую складку боли между бровей, когда она упомянула бывшего. Он подумал, что это мука благородства. Мука женщины, вынужденной возвращаться в золотую клетку ради выживания, оставляя любовь ради долга перед собственным желудком. Ему стало невыносимо стыдно за свою нищету, которая выталкивала ее обратно в лапы этого чудовища.

— Ненавижу, — легко согласилась она, поворачивая голову. В полумраке блеснули белки ее глаз. На секунду Александру показалось, что сейчас она заплачет, но голос остался твердым. — Но с ним я сплю на шелковых простынях и завтракаю икрой. А здесь, милый... здесь пахнет пылью и твоими несбывшимися надеждами. Мне надоело считать копейки до зарплаты.

Она сделала паузу, давая словам впитаться в тишину комнаты. Александр воспринял это молчание как попытку сдержать рыдания. Она собиралась с духом, чтобы нанести последний удар.

— Мы расстаемся? — голос Александра сорвался на хриплый шепот. Он наконец разжал руки и беспомощно развел ими, показывая свою уязвимость. Все его тело кричало о готовности умолять.

Лили медленно повернулась. На ее губах играла едва заметная, снисходительная улыбка, которая когда-то свела его с ума. Сейчас она казалась ему горькой усмешкой над собственной судьбой.

— Расстаться...

— Нет — выдохнул Александр.

— Хорошо, потому что это было бы слишком просто для нас — мягко перебила она. — Если мы остаемся вместе, то этот ящик Пандоры должен нести кто-то один. И это будешь ты. Потому что я больше не могу дышать этим воздухом нищеты.

— А если я не смогу?

— Тогда все кончено.

Александр моргнул и мир вокруг поплыл. Десять лет одиночества рухнули в пропасть, и страх потерять ее снова оказался страшнее тюрьмы или смерти. Если цена ее свободы от Виктора — это риск, значит, он заплатит любую цену.

— Скажи мне, — он вскочил, делая шаг к ней навстречу. — Скажи, что нужно сделать. Украсть? Убить? Я найду деньги, Лили! Любую сумму!

Он схватил ее за руку — мертвой хваткой утопающего. Пальцы у него были ледяными и влажными. Он смотрел на нее снизу вверх, готовый на все, лишь бы стереть эту боль с ее лица.

— Тише, тише, — сказала Лили.

Она позволила ему держать себя несколько секунд, потом мягко, но неотвратно высвободила руку и положила ее на колено. На лице ее появилось то выражение сосредоточенности, которое Александр уже научился принимать за тревогу.

— Твоя проблема решается проще, — сказала она после короткой паузы. — Завтра у вас корпоративный банкет. Все будут заняты там.

Александр нахмурился.

— И что?

— Ты говорил, что в здании все завязано на биометрию. Двери, кабинеты, внутренние зоны. Тебя система знает. Тебя пропустят туда, куда постороннего даже не подпустят.

Она говорила спокойно, почти деловито. Только пальцы чуть сильнее сжали край платья.

— У начальника сектора лежат бриллианты. В его кабинете стоит обычный сейф «Скорпион-7». Замок электронный, серийный. Я дам тебе декодер.

Александр смотрел на нее, не понимая.

— Ты хочешь, чтобы я...

— Чтобы ты взял камни, — тихо закончила Лили.

Она опустила глаза.

— Я знаю, что это страшно. И знаю, что прошу тебя о невозможном. Но другого выхода нет.

Александр молчал.

Лили подняла на него взгляд.

— Завтра вечером здание будет почти пустым. Ты знаешь систему изнутри. Ты сможешь попасть туда без взлома дверей. А когда все закончится, мы уедем.

Она сделала паузу.

— Вместе.

У Александра перехватило дыхание. Воровать у босса, которому он служил столько лет... Тюрьма. Позор. Оглушительный крах всей жизни. Но потом он посмотрел в ее глаза. Там плескалось отчаяние загнанного зверя. Он подумал, что она тоже ломает себя через колено, предлагая ему стать соучастником, потому что другого выхода нет.

— Я сделаю это, — выдохнул он. Голос прозвучал чужим, надтреснутым. — Ради тебя. Только не уходи.

Ее плечи едва заметно дрогнули, словно от беззвучного вздоха облегчения. Глаза потеплели лишь на долю градуса. Ровно настолько, чтобы он почувствовал прилив нежности сквозь ужас ситуации.

— Я знала, что ты настоящий мужчина, — прошептала она. — И я знаю, ты справишься.

Она шагнула к нему вплотную. Положила ладони ему на грудь, чувствуя, как бешено колотится его сердце.

— Докажи мне это еще раз, — ее губы коснулись его шеи, обжигая холодом. — Прямо сейчас.

Он повалил ее на диван отчаянно, грубо, кусая губы в кровь от страха, что она передумает прямо посреди процесса. Он ласкал ее так, будто пытался доказать свою полезность, выкупить ее жизнь ценой своего падения.

А она лежала под ним расслабленно, запрокинув голову и закрыв глаза. Кончиками пальцев она методично гладила его по затылку сверху вниз — ритмично, механически, точно так же глядят раненого солдата после боя, чтобы успокоить тремор. Она подставляла шею, уклоняясь от поцелуев в губы, и тихо постанывала, глядя куда-то сквозь потолок, в темноту квартиры.

Когда все закончилось, он рухнул рядом, уткнувшись мокрым лицом в ее плечо. Он плакал — беззвучно, содрогаясь плечами — от смеси ужаса перед грядущей кражей и абсолютного, животного счастья обладания.

Скрипнуло кожаное кресло — резкий, чужой звук, разорвал пелену воспоминаний. Александр вздрогнул, словно очнувшись от глубокого гипноза, и ошарашенно заморгал, возвращаясь в реальность гостиной.

Лили уже стояла на ногах. Ее силуэт больше не казался вырезанным из бархата, теперь это была просто уставшая женщина в полумраке чужого дома. Она подошла к старому дорожному саквоюжу, стоявшему на столе. Щелкнули замки, и Лили откинула крышку.

Внутри переливаясь гранями даже в тусклом свете торшера, лежали камни. Бриллианты ловили свет лампы и бросали его обратно острыми, холодными иглами.

Лили смотрела на них долго, не мигая. Уголки ее губ опустились в гримасе бесконечной усталости.

— Этот город каждого высосет до дна, — произнесла она глухо, обращаясь скорее к драгоценностям, чем к Александру. — Как же я ненавижу его. Мега-Сити — это машина, и ты в ней либо деталь, либо мусор. Шестеренки из стекла и стали крутятся без остановки, питаюсь амбициями, долгами и чужими ошибками. Я так хочу уехать отсюда, пока этот город не перемолол и не выплюнул меня. Куда-нибудь к океану. Купить маленький домик. Завести собаку. Жить простой жизнью, где никто не считает твои деньги и не смотрит тебе за воротник.

Она говорила о побеге и о свободе. Каждое слово звучало настолько искренне, что ледяной ужас, сковавший сердце Александра час назад, начал медленно отпускать горло.

— С молодости боролась, пыталась чего-то добиться, — продолжала она, закрывая саквоюж. Замки щелкнули сухо и окончательно. — Но в этом городе ничего невозможно построить честно. Он высасывает из тебя все соки и превращает в пыль. А если ты отказываешься быть пылью — он ломает тебя через колено.

Александр сидел неподвижно, боясь спугнуть этот момент откровенности. Он видел перед собой не хищницу, а загнанную птицу, которая случайно залетела в комнату.

Лили обошла столик, похожий на языческий алтарь, и на мгновение задержала взгляд на саквоюже. Потом шагнула вперед и замерла за креслом Александра. Ее руки легли ему на плечи. Сначала тяжело, весом всего пережитого, но потом пальцы дрогнули и смягчились. Она медленно провела рукой по его голове, пропуская влажные волосы сквозь пальцы. Так мать успокаивает напуганного ребенка после кошмара.

— Мой хороший, — прошептала она над самым его ухом. Голос снова стал тем самым, бархатным и родным. — Все позади. Ты справился. Теперь наконец все изменится.

Александр закрыл глаза, проваливаясь в это тепло. Весь мир сузился до этих пальцев, перебирающих его волосы, и запаха ее духов — жасмин, табак и что-то горькое, как несбывшиеся мечты.

— Ты знаешь, — сказала она, наклоняясь к его уху, — когда женщина гладит мужчину по голове, у того есть пять минут. На счастье или на прощанье.

Александр хотел ответить. Не успел. Не услышал и выстрела. Город за окном слишком громко плакал дождем, а ее пальцы все еще лежали на его затылке, когда пуля вошла в висок. Его тело медленно осело кресло, подбородок уткнулся в грудь, а струйка крови побежала по коже — от виска к уху, от уха к шее, впитываясь в воротник рубашки.

Лилит медленно опустила пистолет. Сделала шаг назад, глядя на дело своих рук без малейшего трепета. На ее губах больше не было фальши — только та самая холодная полуулыбка хищницы, которая знает: в этом городе долги всегда возвращаются свинцом. Ее взгляд скользнул по комнате, по стенам, по мокрому окну, по столику, на котором стоял саквоюж. Старый, потертый, с медными замками. И он ждал. Как и она сама ждала этого часа.

Замок щелкнул тихо. Почти беззвучно — только металлический язычок скользнул в паз, отрезая Лилит от коридора, от города, от всего мира, который остался за дверью. Она обернулась рывком. Пистолет уже смотрел в грудь вошедшему, рука не дрожала — только пальцы

чуть побелели на спусковой скобе. Мужчина был чуть выше среднего роста. Он не носил дорогих костюмов, предпочитая плотную, удобную ткань темной рубашки, которая не скрывала, а лишь подчеркивала литой рельеф плеч и широкую грудь. Он не был сухопарым хищником; это было спокойствие уверенной силы — спина прямая, движения плавные и лишённые суеты. Он смотрел без страха, даже без привычной для этого города настороженности. Лилит не целилась, она просто встречала угрозу так, как встречают ее люди, которые привыкли выживать.

Мужчина не остановился. Он сделал шаг. Второй. Третий. Он смотрел на нее поверх ствола без страха и осуждения. Только с тревогой за нее. За то, кем она стала. Он подошел вплотную — и дуло уперлось ему в грудь, прямо в сердце. Она чувствовала его дыхание, видела мелкие морщинки у глаз, слышала, как тихо скрипнула под его ботинком половица.

Он не поднял рук и не отвел пистолет. Просто стоял и смотрел. И Лилит смотрела в ответ.

Пальцы на спусковой скобе дрогнули. Потом ослабли. Рука с пистолетом медленно опустилась, и глухой удар о ковер прозвучал в тишине как последний выстрел — только без пороха, без боли, без смерти.

Она шагнула вперед. Или он шагнул — они не поняли. Просто оказались друг в друге: ее руки обвились его шею, его ладони легли на ее спину, сжали, притянули так крепко, что стало трудно дышать. Она уткнулась лицом в его грудь, в шершавую ткань куртки, в запах табака и дождя, и прошептала, почти не разжимая губ:

— Все кончено, Корвин...

Тело пробила дрожь. Она не плакала. Слезы не приходили, но грудь ходила ходуном, и она сжимала его куртку в кулаках так сильно, что побелели костяшки.

Он молчал. Только одна рука чуть приподнялась — и его ладонь легла ей на затылок, придерживая и успокаивая. Прошла минута. Она не разжимала объятий. Наоборот — прижималась все крепче, вжималась в него, пряталась от комнаты, от мертвого Саши, от всей жизни, которая привела ее сюда.

— Корвин, — выдохнула она, не поднимая головы. Ее голос был мокрым, хриплым, совсем не тем ледяным голосом, который говорил с Александром пять минут назад. — Только ты... только ты понимаешь, что я сделала ради нас.

Она замолчала и ее пальцы вцепились в его куртку еще крепче, как будто он мог исчезнуть, раствориться в дожде за окном, превратиться в одну из ее бессонных галлюцинаций.

А за ее спиной, в кожаном кресле, все так же сидел Саша. Кровь на его виске уже начала темнеть. Но Лилит не видела его. Она видела только зеленые глаза Корвина, которые смотрели на нее сквозь время — туда, в прошлое, которое они не могли забыть.

2. Лили

Лестница скрипела под каждым шагом — старая, как и все в этом доме. Лили перескакивала через ступеньку, сдергивала с гвоздя куртку, швыряла в раскрытый рюкзак футболку, джинсы, зубную щетку. Мокрые волосы липли к шее — она только что из душа, но это уже не имело значения.

— Лилия, ты меня слышишь?!

Голос матери поднимался снизу, из кухни, через щели в рассохшемся полу, через запах вареной картошки и старого дерева.

— Я слышу, мама! — крикнула она в ответ, застегивая молнию. — И слышать не хочу!

— Остин ждет тебя в понедельник! Он сказал, место на биоферме есть. С шести до восемнадцати, зарплата каждый второй четверг. Это деньги, Лилия!

Лили замерла. Посмотрела на свое отражение в мутном зеркале над комодом — темные волосы, злые глаза, губы, сжатые в нитку. Семнадцать лет. И вся жизнь впереди была расписана кем-то другим.

— Деньги?! — Она перекинула рюкзак через плечо и шагнула на лестницу. — Это не деньги, мама, это подачка! Двенадцать часов в навозе и синтетическом комбикорме за то, чтобы купить пачку макарон и бутылку отцу!

— Не смей так про отца!

— А как про него сметь?! — Она спрыгнула с последней ступени, прошла через кухню, где мать стояла у плиты с полотенцем в руках. Сухая, сгорбленная, с руками, которые никогда не видели маникюра, только мыло и кипяток. — Как про него сметь, мам? Он в пятницу получил зарплату и в пятницу же пропил ее. И ты еще говоришь — спокойная жизнь!

Мать дернулась, как от пощечины. Отложила полотенце. В ее глазах блеснуло что-то мокрое, но Лили уже смотрела в окно. За окном, за забором, за кукурузным полем тянулась трасса. По ней, шурша шинами, летели машины. Черные, серебристые, с тонированными стеклами. Внутри сидели люди, которые никогда не считали монеты по карманам.

— Ты видела, какие машины едут в Мега-Сити? — тихо сказала Лили. — Я видела. Каждый день, когда ходила в школу. И знаешь, что я думала? Что я тоже так могу. Что я не обязана гнить здесь, как ты.

Мать шагнула к ней.

— Ты там никому не нужна, слышишь? Город жестокий. Он сожрет тебя и выплюнет, и ты вернешься — а тут уже ничего не будет. Ни дома, ни нас. Здесь хоть тихо, хоть бедно, но мы вместе...

— Вместе?! — Лили рассмеялась, коротко и зло, и от этого смеха матери стало страшно. — Мы не вместе, мам. Мы просто в одной комнате. Это разные вещи.

Она толкнула дверь. Вечерний воздух ударил в лицо — сырой, пахнущий травой и гнилью. Пыль на крыльце. Хриплая собака у будки. Все это она ненавидела так сильно, что на секунду задохнулась.

— Лилия! — Мать выбежала следом, босиком и в фартуке. — Лилия, одумайся! Куда ты пойдешь? У тебя же ничего нет! Ни денег, ни знакомых!



Лили шла по двору, не оборачиваясь. Камешки впивались в подошвы кроссовок. Калитка скрипнула — та самая, которую отец обещал починить три года.

— У меня есть руки, голова и наглость! — крикнула она через плечо. — Этого хватит!

— А если не хватит?!

— Значит, я хотя бы попробую! А ты так и не попробовала!

Она вышла на грунтовку. Слева — поля до горизонта. Справа — поля. И только впереди, за поворотом, где грунтовка смыкалась с асфальтом, гудели те самые машины. Мега-Сити. три часа езды. Целая жизнь.

Мать кричала ей вслед — что-то про Остина, про то, что он хороший парень, про то, что тут спокойно, про то, что она пожалеет. Слова разлетались в воздухе и падали в пыль, не долетая.

Лили остановилась. Обернулась — всего на секунду. Мать стояла посреди двора, маленькая, в фартуке, с руками, прижатыми к груди, и была похожа на девочку, которую когда-то тоже кто-то не отпустил.

— Мам! — крикнула Лили, и голос ее дрогнул, но она тут же выпрямила спину. — Я вернусь! Я приеду погостить — на шикарной машине! Ты услышишь, как она гудит, и выйдешь на крыльцо, и соседи выйдут, и все увидят! Я обещаю!

Она повернулась и пошла дальше. Джинсы, рюкзак, мокрые волосы. Семнадцать лет и ни копейки в кармане.

Лили опустилась на рюкзак прямо у обочины — ноги больше не держали. Три часа. Может, больше. Она сбилась со счета, когда солнце поползло к горизонту, а асфальт под кроссовками начал остывать.

Она смотрела на трассу и не понимала, на что, собственно, надеялась. Мимо, гудя, проносились фуры — длинные, гладкие, без кабин с людьми. Беспилотники. Спутниковые грузовики, идущие от порта до складов по разметке, которая никогда не врет. Внутри никого. Только датчики, камеры и маршрут, вбитый в память раз и навсегда. Они бы ее просто не увидели. Или увидели бы, но им было плевать — человек на обочине не входит в их протокол.

Легковые шли следом. Те, что подороже, — на автопилоте: адаптивный круиз-контроль держал дистанцию, машина сама шла по полосе, а водитель в это время спал, листал экран или пил кофе из термоса. Люди в таких машинах разучились смотреть на обочину. А те, кто ехал сам, — те смотрели. И все равно не останавливались. Времена были беспокойные: в новостях каждый месяц — то угон, то поножовщина на трассе, то «попутчик» с чужим паспортом и плохими намерениями. Никто не станет рисковать ради девчонки с рюкзаком. Слишком дорого. Слишком страшно.

Лили обхватила голову руками и сжала виски, но это не могло остановить мысли. Ком подкатывал к горлу — тяжелый, горячий, как проглоченный камень.

Она представила, как встанет и пойдет назад. Три километра по грунтовке. Мать уже стоит на крыльце — она всегда чувствует, когда Лили возвращается, — и ничего не скажет. Просто обнимет. Покормит картошкой с луком. Постелет чистую наволочку. И утром все будет так, как будто вчерашнего дня не было. Как будто она не стояла три часа на обочине, поднимая руку навстречу машинам.

А в понедельник придет Остин — добрый, крепкий, с руками в ссадинах и с этой своей вечной улыбкой. И скажет: «Ну что, Лиль? Пошли на ферму, место есть». И она пойдет. И будет вставать в пять. И пахнуть озонированным жиром, навозом и перегретым пластиком. И получать раз в две недели конверт, в котором хватит на картошку и на новый фартук. А потом будет свадьба — тихая, в местной церкви, с пирогом и самогоном. А потом дети. А потом — та же кухня, тот же скрип половиц, то же полотенце в руках. И она будет смотреть в окно на трассу, по которой летят чужие машины, и думать: «А ведь я когда-то тоже собиралась».

От этой картины стало так горько, что глаза обожгло. Первая слеза скатилась быстро, и она смахнула ее ладонью. Вторая не успела.

Потому что зашумели шины и ее накрыла тень автомобиля. Лили подняла голову: рядом, почти в десяти сантиметрах от лица, застыла машина — темная, гладкая, длинная, как хищник, припавший к земле. Мотор работал тихо, почти неслышно. Фары погашены, только габариты тускло тлели в сумерках. И в тишине, которая вдруг показалась оглушительной, Лили услышала короткий мягкий звук: стекло поехало вниз.

Она вскочила на ноги так резко, что рюкзак качнулся и упал на бок, и вдруг поняла, что не знает, что говорить.

Все это время она прокручивала в голове разговор с матерью, вспоминала отца, Остина, мечтала о лучшей жизни, представляла, как будет стоять на обочине и голосовать — уверенно, красиво, как в кино. Но она ни разу не подумала о том, что скажет, когда машина действительно остановится. Какие слова. Каким голосом.

Она заглянула в окно.



На нее смотрел парень. Лет двадцати пяти, не больше. Темные волосы, коротко стриженные, но с челкой, которая падала на лоб. Щетина — редкая, но уже не бритая несколько дней. Куртка старая, кожа потерлась на локтях. Усталые зеленые глаза. Он смотрел на нее без спешки — как будто оценивал.

Лили смотрела в ответ. Он улыбнулся. Уголки губ ползли вверх медленно, лениво, он наслаждался каждым мгновением этого неловкого молчания. Он не спешил заговорить. Не спрашивал, куда ей надо. Не делал вид, что торопится. Просто смотрел — и улыбался.

Лили почувствовала, как кровь приливает к щекам. Горло пересохло, язык прилип к небу. Она сглотнула и выдавила:

— Не подбросите до Мега-Сити?

Первые слова вышли сиплыми, как из простуженного горла. Но она вовремя спохватилась — прокашлялась, вскинула подбородок и закончила уже совсем другим тоном: с вызовом, с дерзкой ухмылкой, будто всю жизнь только этим и занималась, что останавливала чужие машины на ночных трассах.

Парень рассмеялся. Негромко, коротко, но искренне.

— Конечно, — сказал он, и в уголках его глаз заплескали морщинки. — Мне как раз по пути. Еду в Мега-Сити по делам. Правда, дела у меня скучные. Но если ты не против скучной компании — залезай.

Он наклонился через пассажирское сиденье и толкнул дверь — тяжелую, широкую, как в старых фильмах про гангстеров. Машина была двухдверная, длинная, с низкой крышей. Большой седан, которому явно было много лет — краска кое-где потускнела, хром на молдингах пошел мелкими паутинками, но видно было, что за ней следят. Чистая, без пыли, без вмятин. Хозяин знал цену вещам.

Лили кинула рюкзак на задний диван, а сама скользнула на пассажирское сиденье, прикрыла за собой дверь, которая закрылась с глухим, солидным звуком, как сейф. И только тогда она поняла, что уезжает.

Машина тронулась. Обочина, мамина фигура на крыльце, дом, поля — все осталось позади. Впереди лежала трасса, темная и длинная.

Парень не спросил ее имени. Она не спросила его.

Он просто вел машину, глядя на дорогу, и улыбался своим мыслям. А Лили смотрела на его профиль и думала: «Кто ты, черт возьми, такой? И почему я не боюсь?».

Они ехали молча уже больше часа.

Лили не решалась заговорить первой, а он, казалось, и не замечал ее присутствия. Руки на руле, взгляд — на разметку, которая неслась под колеса и снова выныривала из темноты. За окном тянулась степь — плоская, как столешница, поросшая сухим ковылем, который в свете фар казался седым. Небо над горизонтом было черным, без единой звезды, и только далеко впереди, у самой кромки земли, тлело зарево. Мега-Сити. Огни большого города, которые не гаснут никогда — даже когда все порядочные люди спят.

Машина шла ровно, мотор гудел низко и сыто. Лили смотрела на приближающееся зарево и чувствовала, как внутри все сжимается и разжимается — то ли от страха, то ли от восторга. Все-таки она ехала. Все-таки уехала.

Вдруг машина вильнула вправо, и Лили качнуло вбок. Он свернул с трассы так резко, что шины взвизгнули на гравии, и фары выхватили из темноты придорожное кафе — низкое, приземистое, с неоновой вывеской, где половина букв давно перегорела. «Р...С...ВЕТ». Ржавый пикап у входа. Пара тусклых окон.

— Надо выпить кофе, — сказал он, глуша мотор. — Я за рулем целый день. А в Мега-Сити будем за полночь.

Машина замерла у самого входа. Лили схватилась за ручку двери и выпалила, торопясь, пока он не успел выйти первым:

— Я куплю нам кофе.

Он обернулся. И она увидела его лицо — вблизи, при свете неоновой вывески. Брови чуть приподняты. В зеленых глазах — не насмешка, а удивление. Настоящее, без подвоха.

Лили смутилась и отвернулась к окну.

— У меня практически нет денег, — сказала она тихо. — А кофе будет благодарностью. За то, что подвез.

Он помолчал секунду. Потом улыбнулся — не широко, а как-то по-домашнему.

— Ну тогда с тебя еще и гамбургер. И я закину тебя в любую точку Мега-Сити. — Он кивнул на зарево, которое тлело за горизонтом, и добавил: — Мне на другой конец города, а это, если по-честному, часа полтора по пробкам, и я не хочу ехать туда один.

Лили посмотрела на него.

— Это здорово, — сказала она. — Только... я не знаю, куда мне.

— То есть как?

— Вот так. — Она пожала плечами. — Я ушла из дома сегодня днем. Взяла рюкзак и ушла. У меня нет ни адреса, ни знакомых, ни плана. Есть только Мега-Сити и вот этот рюкзак.

Он смотрел на нее долго, без осуждения. Потом хмыкнул.

— Ну ты и рисковая, — сказал он. — Без денег, без знакомых, без плана — и в Мега-Сити на попутке с незнакомым мужиком. Ты хоть понимаешь, во что могла вляпаться?

— Понимаю, — сказала Лили. И, помолчав, добавила: — Но я решила, что лучше вляпаться, чем всю жизнь простоять на обочине.

Он ничего не ответил. Только кивнул — коротко, как будто услышал что-то важное, — и вышел из машины.

Кофе оказался дрянным — растворимый, из автомата, в картонных стаканах, которые обжигали пальцы. Гамбургеры были не лучше: сухая булка, котлета непонятного происхождения, огурец, который хрустел так, словно его вырастили в пластмассовом ведре. Но Лили казалось, что она не ела ничего вкуснее в жизни.

Они стояли у машины — он, прислонившись к капоту, она, переминаясь с ноги на ногу, — и ели в тишине. Ветер шуршал ковылем. Где-то далеко, на трассе, пронеслась фура, обдав их теплым воздухом.

— Слушай, — сказал он наконец, дожевывая. — У меня к тебе дело.

Лили напряглась. Вот оно. Сейчас начнется то самое, о чем предупреждала мать. Она крепче сжала стакан.

— Я везу товар, — сказал он, глядя не на нее, а куда-то в степь. — Какой тебе знать не надо. Скажем так, не совсем законный. И отдаю я его в последний раз. Завязал. — Он усмехнулся и посмотрел на нее. — Но у меня был напарник. Он заболел. Слег, скотина, за сутки до выезда. А мне ехать одному не с руки — не потому, что боюсь, а потому что спокойней, когда рядом есть человек. Просто побыть рядом. Ничего не делать. Не смотреть, не спрашивать, не запоминать. Просто сидеть в машине.

Лили молчала.

— Ты в безвыходном положении, — сказал он без вопроса. — Но не выглядишь испуганной. Такие, как ты, либо ломаются, либо идут до конца. Мне это нравится. — Он помолчал. — За это я отвезу тебя к своим. Знакомые держат бар в центре. Там нужна официантка. Ночлег найдем, работа будет, кормить будут. Не шикарная жизнь, конечно, — но это старт. Дальше сама.

Он допил кофе и смял стакан в кулаке.

— Ну что? Рискнешь еще раз?

Лили смотрела на него — на темные волосы, на упрямую линию подбородка, на зеленые глаза, в которых не было ни угрозы, ни жалости. Только ожидание. Как будто он и правда хотел услышать именно ее ответ.

Она выбросила свой стакан в урну — попала с первого раза, — и сказала:

— А гамбургер я тебе уже купила. Значит, мы в расчете. Садись за руль.

Он засмеялся — громко, коротко, по-настоящему. И открыл ей дверь.

Они въехали в город в полночь — но Мега-Сити не спал. Он горел.

Лили прижалась лицом к стеклу и забыла, как дышать.

Небоскребы вырастали из земли, как хрустальные зубы. Стекло, хром, неон — розовый, голубой, кислотно-зеленый. Голограммы реклам плыли между зданиями: женщины с идеальными лицами, бутылки пива размером с дом, японские иероглифы, обещающие вечную жизнь. Над всем этим висел смог — густой и сизый. Лили никогда не видела неба таким — оно было не черным, а бурым. Город дышал через фильтр и не мог надышаться.

По улицам текли машины. Не те, что в ее городке — потрепанные пикапы и старые седаны. Здесь были хищные, низкие, светящиеся изнутри. Спортивные машины с матовыми бортами. Черные внедорожники с тонировкой, из которых выходили люди в костюмах — холодные, красивые, с имплантами в висках и золотыми часами на запястьях. Они шли по тротуарам, не глядя по сторонам. Они знали, что мир принадлежит им.

Лили смотрела на них, открыв рот. Внутри все дрожало — от восторга, от зависти, от какого-то злого, голодного чувства. «Я здесь. Я все-таки здесь. И я тоже так смогу. Обязательно смогу».

Потом деловой район кончился. Стекло сменилось бетоном. Неон стал грязнее — мигал, трещал, половина вывесок не горела вовсе. Машина нырнула под эстакаду, и город стал другим.

Здесь пахло не духами и кофе, а машинным маслом, мочой и чем-то сладковато-химическим. Запах нарастал — горелый пластик, кислый, едкий, забивающий ноздри. Кто-то сжигал мусор в баке за углом, и черный жирный дым стелился по асфальту, поднимаясь к эстакаде. К нему примешивалось другое — застарелая рвота, мокрый бетон, ржавчина с балок. Город дышал этим. Запах въедался в одежду, в волосы, в кожу. На углах стояли люди. Нет, не люди. Фрики — с глазами, светящимися красным, с лицами из хрома и шрамов. Кто-то спал прямо на асфальте, уткнувшись в собственные колени. Кто-то что-то колол себе в шею, и глаза у него были пустые, как у рыбы. Наркоманы. Бродяги. Те, кто проиграл этому городу еще до того, как успел в него войти.

Лили отшатнулась от стекла. Улыбка сползла с ее лица.

Машина свернула под большую эстакаду — бетонные опоры, уходящие в темноту, ржавые балки, с которых капала вода. Капли падали ритмично, с глухим стуком, и от земли поднимался пар — теплый, влажный, смешанный с выхлопами и запахом сырости. Где-то вверху гудели машины, но здесь, внизу, было тихо. Только капли. Только пар. Только ее собственное сердце, которое колотилось где-то в горле.

Он остановил машину, но не заглушил мотор. На другой стороне площадки стоял автомобиль — черный, с включенными фарами, которые резали темноту двумя белыми клинками.

Он не посмотрел на нее, открыл бардачок и внутри что-то щелкнуло. В его руке появился пистолет — короткий, тяжелый, с матовым стволом. Он передернул затвор. Курок встал на место с сухим, злым звуком.

И протянул его Лили.

— Выйдем вместе, — сказал он ровно. — Ты встанешь возле двери. Показывай уверенность. Спину прямо, подбородок вверх. Они должны видеть, что я не один. Я возьму товар из багажника, подойду к ним, отдам, возьму деньги и уедем. Поняла?

Лили смотрела на пистолет. На его рукоятку, на спусковую скобу, на палец, который лежал на стволе — спокойно, привычно, как будто это была не смерть, а обычный инструмент.

— Мы договаривались, — сказала она. Голос сел. — Ты сказал, что я просто посижу в машине.

— Планы изменились.

— Я не умею... я никогда...

— Не надо уметь. — Он посмотрел на нее впервые за эту минуту. Зеленые глаза были твердыми, как камень. — Издалека они тебя не разглядят. Но увидят, что я не один. Это все, что нужно. Ты просто постоишь. Просто постоишь.

Она хотела возразить. Хотела сказать, что это безумие, что она не соглашалась, что она вообще не должна была садиться в эту машину. Но слова застряли в горле.

— Нет времени, — отрезал он. — Пошли.

Он открыл дверь. Ночь, пар, капли, свет фар — все это ударило в лицо сразу. И Лили, не поняла, как, вышла следом. Пистолет в ее руке был холодным и тяжелым.

Лили встала у двери, прижавшись бедром к холодному металлу, и смотрела, как из черного автомобиля напротив выходят трое.

Первым ступил на асфальт большой — нет, не просто большой, а огромный мужчина. Толстый, как холодильник, в широкой куртке, которая топорщилась на животе. Но двигался он легко, почти танцующе — мягко перекачивался с ноги на ногу, как борец перед схваткой. Второй был худощавый, узкий в плечах, с длинными руками, которые болтались вдоль тела, как плети. Третий силуэт — женщина. Невысокая, в короткой куртке, с волосами, стянутыми на затылке. Она стояла чуть позади, скрестив руки.

Парень достал из багажника чемоданчик. Небольшой, плоский, с металлическими углами. Он пошел к ним, и его тень вытянулась по асфальту, разрезанная светом их фар. Лили видела только силуэты — темные, резкие, как вырезанные из бумаги.

Он положил чемоданчик на капот их машины. Щелкнули замки. Крышка поднялась.

Лили не слышала слов — только тон. Сначала ровный, деловой. Потом резче. Потом еще резче. Голоса накладывались друг на друга, как волны на камни. Толстяк сказал что-то короткое — парень ответил. Худой вставил слово. Женщина что-то бросила через плечо. Парень повторил громче.

Лили почувствовала, как низ живота сжался. Резко, до боли. Она вдруг поняла, что ей нужно в туалет — прямо сейчас, немедленно, и от этого стало еще страшнее. Она сжала бедра, вдавила пятки в асфальт. Во рту собралась слюна — горячая, обильная, как перед рвотой. Горло сжалось. Ее мучило. Она сглотнула, но ком не ушел. Он стоял в горле, как пробка, и с каждой секундой становился все больше.

Разговор изменился. Голоса стали криками.

Толстяк шагнул вперед. Его рука выбросилась вперед быстро, неожиданно для такого тела и схватила парня за грудки. Ткань куртки натянулась. Он дернулся, но худой уже был рядом. Его кулак вошел ему в живот — коротко, снизу. Парень согнулся. Второй удар — в лицо. Голова мотнулась.

Женщина заорала. Пронзительно, истошно, как резаная. Ее голос взлетел над площадкой и заметался между бетонными опорами эстакады.

Лили окаменела.

Страх ударил в нее сразу со всех сторон. Ноги стали ватными. Руки — чужими. Пистолет в ее ладони вдруг стал скользким от пота. Она смотрела, как его бьют, и не могла двинуться. В голове билась одна мысль: «Я не хочу умирать. Я не хочу умирать. Я не хочу умирать». Она почувствовала, как по внутренней стороне бедра потекло что-то теплое и поняла, что потеряла контроль над телом.

От этого стало так стыдно и так страшно, что она почти потеряла сознание. Мир поплыл. Звуки стали далекими, как из-под воды.

А потом резкий голос худого заорал и вернул ее в реальность:

— Приведи сюда его суку!

Темный силуэт отделился от машины и пошел в ее сторону. Быстро. Размашисто. Лили увидела, как он приближается, и что-то внутри нее сломалось. Страх не ушел. Но рядом с ним поднялось что-то другое — злое, животное, горячее.

Она вскинула пистолет.

Руки тряслись так, что ствол ходил ходуном. Она не целилась. Она просто нажала на спуск.

Выстрел. Громкий, как удар в грудь. Отдача толкнула ее назад. Она увидела, как одна из фар на черном автомобиле погасла — брызнули искры, стекло разлетелось. Тени заматались. Кто-то закричал — уже не женщина, а мужчина.

Лили нажала еще раз. Еще. Еще. Пистолет дергался в руке, как живой. Она стреляла в сторону, не разбирая, куда. Просто в темноту, в силуэты, в свой страх.

Щелк. Курок ударил в пустоту. Еще раз. Щелк. Щелк. Патроны кончились.

Лили осела на асфальт. Спина прижалась к двери машины. Ноги подкосились, и она села прямо в лужу — холодную, грязную, пахнущую машинным маслом и мочой. Губы тряслись. Зубы стучали. Она смотрела в темноту и ждала, что сейчас из нее выйдет что-то страшное и сделает с ней то, что делали с ним.

Тень метнулась к машине.

Лили зажмурилась.

— Прыгай! Быстрее!

Голос. Знакомый. Его голос.

Она открыла глаза. Он — живой, с разбитой губой, с кровью на скуле — уже сидел за рулем. Мотор ревел. Лили не стала открывать дверь. Она просто вцепилась в край окна, подтянулась и нырнула внутрь, головой вперед, как в омут.

Плечо ударилось о сиденье. Ноги застряли на секунду, потом втянулись. Она перекатилась, села, вжалась в спинку.

Машина рванула с места так, что ее отбросило назад.

Асфальт, эстакада, тени, свет — все смешалось. Они неслись по улице, подальше от этого места, от чемоданчика, от трех силуэтов, от собственного страха. Лили смотрела в лобовое стекло, и по ее щекам текли слезы — злые, горячие, быстрые. Она не вытирала их. Просто смотрела вперед — туда, где сквозь слезы расплывались огни города, яркие и зовущие, как обещание новой жизни.

Светало. Город просыпался — неохотно, как человек, который всю ночь пил и теперь не хочет открывать глаза. Неон еще горел, но уже бледнел, разбавленный серым утренним светом. Смог висел над крышами, как грязное одеяло. Где-то вдалеке гудели машины, и этот гул не стихал даже на рассвете — Мега-Сити никогда не засыпал по-настоящему.

Они припарковались у бара «Эль Койоте Кохо». Низкое здание с облупившейся краской, зарешеченные окна, неоновая вывеска, где половина букв давно перегорела. Над входом висел череп здорового буйвола — желтый, потрескавшийся, с рогами, которые кто-то украсил гирляндой из засохших цветов. Из двери выходили последние посетители. Они окинули машину равнодушным взглядом и побрели в сторону переулка.

Он заглушил мотор. Повернулся к Лили.

— Как и обещал, — сказал он. — Здесь ты получишь ночлег и работу. Подойди к бармену. Его зовут Пепе. Он мой хороший знакомый. Скажи, что ты от меня, — он все устроит.

Лили смотрела на него. Вид у нее был жалкий. Тушь растеклась по щекам черными ручьями, волосы свалились и прилипли ко лбу, джинсы до колен были мокрыми и холодными. Она не чувствовала ни рук, ни ног. Только пустоту где-то внутри — огромную, как та эстакада.

— И кстати, — сказал он и вдруг улыбнулся — криво, потому что губа была разбита. — Меня зовут Корвин.

Он протянул ей руку.

Лили вздрогнула. Не от страха — от неожиданности. За всю ночь он ни разу не назвал себя. Она смотрела на его ладонь — широкую, с царапинами на костяшках, с запекшейся кровью у большого пальца. И медленно, как будто это было самое трудное движение в ее жизни, протянула свою.

— Лилия, — сказала она. Голос сел, но она не отвела взгляда.

Корвин пожал ее руку — коротко, крепко — и отпустил. Потом потрогал разбитую губу, поморщился и посмотрел на нее внимательно.

— Лилия, — повторил он. — Нет. Это имя не подходит для Мега-Сити. Слишком мягкое. Слишком домашнее. Здесь оно сотрется в первый же день. — Он помолчал, глядя куда-то мимо нее, на неоновую вывеску бара. — Ты будешь Лилит. Ночная. Темная. Та, которая не просит, а берет. Иди к Пепе. Скажи, что ты Лилит и, что ты от Корвина.

Он откинулся на спинку сиденья и тяжело вздохнул.

— А мне надо ненадолго залечь на дно. Меня подставили. Дороги назад нет. — Он усмехнулся, и в этой усмешке было больше усталости, чем злости. — Я хотел остаться в Мега-Сити. Но хотел остаться с деньгами. А придется, как и тебе, — с пустыми карманами.

Он повернулся к ней всем корпусом. В зеленых глазах не было ни насмешки, ни жалости. Только что-то другое — может, уважение. Или благодарность.

— Слушай. Ты спасла мне жизнь. Я не забуду. — Он сказал это просто, без пафоса. Как факт. — Утром у тебя не было в Мега-Сити ни жилья, ни работы, ни друзей. А теперь все это есть. Это больше, чем у половины города.

Он потянулся и обнял ее — коротко, одной рукой, через разделительный тоннель. От него пахло дымом, кровью и чем-то еще — теплым, как старая кожа. Лили замерла. За всю жизнь ни один мужчина не касался ее так — без угрозы, без желания, просто по-человечески.

Она отстранилась. Посмотрела на его разбитую губу, на кровь, которая уже подсохла на скуле, на усталые зеленые глаза. И вдруг вспомнила ту минуту на обочине — когда он опустил стекло, улыбался все шире и молчал, наслаждаясь ее смущением. Вспомнила его слова: «Дела у меня скучные. Но если ты не против скучной компании...»

— Знаешь, — сказала она, и в голосе ее, хриплом после крика и слез, вдруг прорезалась та самая дерзкая нотка, с которой она утром сказала матери, что вернется на шикарной машине. — Ты обещал скучную поездку. Скучную компанию. Я всю дорогу ждала, когда же начнется скука. Так и не дождалась.

Корвин посмотрел на нее. А потом улыбнулся — широко, открыто, несмотря на разбитую губу, которая тут же снова начала кровить.

— Я соврал, — сказал он. — Скучно не было.

Она открыла дверь. Вышла на асфальт. Ноги дрожали, но держали. Утренний воздух ударил в лицо — сырой, холодный, пахнувший бензином и мокрым бетоном. Она сделала шаг к бару. Потом еще один.

За спиной взревел мотор.

Лили обернулась. Корвин уже разворачивался. Он не смотрел на нее. Его лицо было сосредоточенным — как у человека, который едет в никуда и знает это. Машина вильнула, выехала на улицу и исчезла за поворотом. Только красные габариты еще секунду тлели в утреннем сумраке, а потом погасли.

Лили осталась одна.

Она стояла перед баром «Эль Койоте Кохо», под черепом буйвола, с мокрыми джинсами, размазанной тушью и новым именем. За спиной был город. Впереди — дверь.

Она толкнула ее и вошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.